

Settlement Process on The Black Sea Northeastern Coast in the Context of Frederick Turner's Frontier Concept (1830-1850s)

Sergey N. Shapovalov

Kuban State University. Krasnodar, Russia. Email: [shapovalov07\[at\]gmail.com](mailto:shapovalov07[at]gmail.com)

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0605-191X>

Received: 26 May 2024 | Revised: 22 July 2024 | Accepted: 5 August 2024

Abstract

The article is based on documentary materials and examines the settlement process on the Black Sea northeastern coast in the 1830–1850s. The methodological basis of the study is F. Turner's frontier conception. The attention is focused on the analysis of such conception's provisions as: constant migration of the population, transformation of wild areas, pushing forward of the “tongues” of populated areas, using of state lands. This approach allows to identify similar and different processes that arose during the North American and North Caucasian border lands development. The aim of the paper is to study the settlement and development features of the Black Sea northeastern coast as one of the historical regions of the modern Krasnodar territory through the prism of F. Turner's frontier concept. A comparison of the American development of border lands and the experience of Russian settlement of the Black Sea northeastern coast makes it possible to identify similar and different processes in the 1830–1850s. Russian migration to the frontier was controlled. The intensity of transformation of the wilderness was quite high. The development of the Russian borderland was also achieved by pushing forward the “tongues” of the populated areas. State lands were used to provide gratuitous land to Anapa and Trans-Kuban settlers. The article is intended for historians and anyone interested in the settlement of the Black Sea northeastern coast.

Keywords

Frontier; Anapa Settlement; Highlanders; Trans-Kuban Settlement; Land of the Black Sea Cossack Army; Anapa Fortress; Malorussian Cossacks; Migration; Northeastern Coast of the Black Sea; Village

This work is licensed under a [Creative Commons “Attribution” 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Заселение северо-восточного берега Черного моря в 1830–1850-е гг. в контексте концепции фронта Ф. Тёрнера

Шаповалов Сергей Николаевич

Кубанский государственный университет. Краснодар, Россия.

Email: [shapovalov07\[at\]gmail.com](mailto:shapovalov07[at]gmail.com) ORCID <https://orcid.org/0000-0003-0605-191X>

Рукопись получена: 26 мая 2024 | Пересмотрена: 22 июля 2024 | Принята: 5 августа 2024

Аннотация

В статье на основании документальных материалов исследуется процесс заселения северо-восточного берега Черного моря в 1830–1850-х гг. Методологической основой изучения выступает концепция фронта Ф. Тёрнера. Внимание сосредоточивается на анализе таких положений концепции, как постоянная миграция населения, преобразование дикой местности, выдвигание «языков» населенных районов, использование государственных земель. Такой подход к проблеме позволяет определить схожие и различные процессы, возникавшие в период освоения пограничных североамериканских и северокавказских земель. Цель исследования – изучение особенностей заселения и освоения северо-восточного берега Черного моря как одного из исторических районов современного Краснодарского края сквозь призму концепции фронта Ф. Тёрнера. Сопоставление американского освоения пограничных земель и опыта российского заселения северо-восточного берега Черного моря позволило выявить схожие и различные процессы, наблюдавшиеся в 1830–1850-х гг. Российская миграция на фронт носила управляемый характер. Интенсивность преобразования дикой местности была достаточно высока. Освоение российского пограничья также достигалось благодаря выдвиганию «языков» населенных районов. Государственная земля использовалась для безвозмездного наделения анапских и закубанских переселенцев. Статья предназначена для специалистов-историков и всех, кто интересуется заселением северо-восточного берега Черного моря.

Ключевые слова

фронт; Анапское поселение; горцы; Закубанское поселение; земля Черноморского казачьего войска; крепость Анапа; малороссийские казаки; миграция; северо-восточный берег Черного моря; станица

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons “Attribution” \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Введение

Исследование исторических закономерностей развития городов, станиц и сел Краснодарского края предполагает обращение к проблеме заселения и освоения исторически формировавшихся районов, составляющих основу современного субъекта Российской Федерации. Одним из них является северо-восточный берег Черного моря, протянувшийся от Анапы до границ Адлера. Сложность и разнообразие исторических сюжетов, происходивших на этой территории, вызывает необходимость использования различных методологических подходов. Одним из них является концепция фронта (границы). Она была представлена в 1893 г. профессором истории Университета Висконсина в Мадисоне Фредериком Джексоном Тёрнером на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго. В последующие десятилетия научные разработки в этой области привели к изучению американского, европейского, российского фронтиров. Критическое переосмысление концепции Ф. Тёрнера позволило применять ее в глобальных и локальных исследованиях.

В современной российской исторической науке оформились и плодотворно исследуются сибирский (Агеев, 2005; Резун, 2005; Хромых, 2008), калмыцкий (Андреева, 2016), кавказский (Романова, 2014; Матвеев, 2015; Султабенков, 2017), южно-российский (Баева, 2014; Мизис, Скобелкин, & Папков, 2015) северокавказский (Шеуджен, 2006), нижеволжский (Якушенков & Якушенкова, 2010), степной фронт (Хотко, 2019). Многообразие сложившихся фронтиров уже вызвало необходимость в их типологизации и осмыслении. Одну из типологий, основанную на природе, происхождении, характере фронта, представила Л. В. Баева (2014, с. 33).

Другой проблемой концепции фронта является содержание самого термина. Ф. Тёрнер понимал под ним «внешний край волны – место контакта дикости и цивилизации» (2009, с. 14). Безусловно, такой подход слишком упрощает представление о пограничных контактах и осуществлявших их этнических группах и мало соответствует историческим реалиям. По определению Н. Ю. Замятиной, фронт – это комплексное, многогранное явление, которое характеризуется как «зона неустойчивого равновесия» (1998, с. 77). Более развернутое и, скорее, междисциплинарное определение было предложено А. А. Андреевой: фронт – это контактная зона, это особая форма культурного диалога, это процесс и результат социального конструирования пространства (2016, с. 131). Историческое определение фронта представили Ю. А. Мизис, О. В. Скобелкин и А. И. Папков, понимая под ним территорию, которая: а) примыкает к границе государства и б) по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства, включая другие приграничные территории (2015, с. 11). Они же выделили условия возникновения и существования фронта.

Безусловно, дефиниция фронта и его содержательные характеристики были и остаются пока еще предметом научных дискуссий (Как сегодня изучать фронтиры, 2020). Так, представители кавказоведческой школы В. Б. Виноградова и сам ее основатель неоднократно обращали внимание на ее эвристическую ограниченность в описании сложных взаимоотношений народов, населяющих Кавказ и Северное Причерноморье, и видели в ней потенциал перманентной враждебности между участниками исторического диалога в регионе (Дударев, 2021, с. 47). Однако, как отметил А. Т. Урушадзе,

«Возможность применения концепта фронта к анализу российской истории убедительно доказана историографической практикой. Фронтир результативно применяли и применяют для исследования расширения границ Российского государства и колониционных процессов как в масштабе национальной истории, так и для анализа прошлого отдельных регионов» (Как сегодня изучать фронтиры, 2020, с. 91).

О возможности изучать историю российского продвижения через Северный Кавказ как процесс образования фронта – приграничной, порубежной зоны – писал американский исследователь Томас Барретт. Он полагал, что это позволит рассмотреть «внутреннюю и внешнюю миграцию большого числа населения, оседания на новых местах, образование новых сообществ и отказ от старых» (2000, с. 165). Ему же принадлежит мысль о перспективности для изучения российскими исследователями трех направлений фронта: история окружающей среды, социальная история и этническая история. Сам же исследователь ограничился «доказательством продуктивности использования концепции фронта применительно к одному из приграничных регионов России», практически дословно процитировав Ф. Тёрнера (Барретт, 2000, с. 168).

Одним из таких приграничных районов Российской империи после завершения Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. стал северо-восточный берег Черного моря. По условиям Адрианопольского мирного договора во владение России перешли земли от устья Кубани до пристани Св. Николая вместе с проживавшим здесь автохтонным населением. В состав переданных Османской империей территорий входили адыгские земли. Однако сами адыги не признавали ни российской, ни турецкой власти, «так как их зависимость от последней в политическом, экономическом и культурном отношении была больше номинальной, чем фактической» (Кудаева, 2017, с. 81).

Сложившееся положение потребовало от российских властей принятия различных мер для интеграции де-юре вошедших в состав империи земель. Одной из них стало заселение территории северо-восточного берега Черного моря российским населением. Ее границы законодательно очерчивались пространством между устьями рек Кубань и Ингур (ПСЗРИ, 1846, № 20707).

Для исследования образовавшегося пограничья мы обратились к концепции фронта Ф. Тёрнера, которая, несмотря на некоторую ограниченность, содержит ценные идеи, позволяющие плодотворно анализировать

процесс заселения северо-восточного берега Черного моря в 1830–1850-х гг. В фокусе нашего внимания оказались такие положения концепции фронта, как:

- постоянная миграция населения;
- преобразование дикой местности;
- выдвигание «языков» населенных районов;
- использование государственных земель.

Постоянная миграция населения

Для заселения северо-восточного берега Черного моря властями первоначально рассматривались Анапа, Геленджик, Новороссийск и Сухум-Кале. При ближайшем обследовании выяснилось, что для их заселения пока не было подходящих условий. Геленджик и Новороссийск не имели сухопутных дорог для связи друг с другом и с землей Черноморского казачьего войска. Вся коммуникация поддерживалась только по морю. Враждебность местного горского населения не позволяла переселенцам заниматься сельским хозяйством и промышленностью в окрестностях укреплений.

Главным препятствием для заселения Сухум-Кале были непривычные условия климата. По оценке историка и этнографа А. Н. Дьячкова-Тарасова, от различных болезней один только гарнизон крепости в конце 1830-х гг. «уничтожился менее чем за пять лет» (Цвижба, 2001, с. 90–91). Неудачей закончилась и попытка создания русского поселения в Абхазии возле укрепления Марамба, получившего название Богоявленского селения. Весной 1843 г. горцы разорили селение, захватив в плен жителей и часть скота. Оставшиеся после этого селяне были переведены под защиту местного гарнизона в укрепление Дранда (Новицкий, 1853, с. 43).

Наиболее подходящим для заселения пунктом на северо-восточном берегу Черного моря в 1830–1850-е гг. оставалась крепость Анапа. От нее была проложена сухопутная дорога до Бугазской переправы, связывавшей крепость с землей Черноморского казачьего войска. Именно сюда стремились беглые, желавшие приписаться к закубанским поселянам. Анапа также имела постоянное морское сообщение с Керчью, Ростовом, Таганрогом и другими азовскими и крымскими портами. Окрестные анапские земли позволяли заниматься хлебопашеством, промышленностью и торговлей. Однако вблизи Анапы располагались натухайские аулы, жители которых не приняли подданство Российской империи. Поэтому в первые годы переселенцы не могли полноценно осваивать окружающую местность. В результате здесь появилась фронтальная (пограничная) территория.

Ф. Тёрнер писал, что на фронте происходила «постоянная миграция населения между штатами» (2009, с. 34). Эта миграция носила добровольный характер и стала частью образа жизни некоторых американцев, которые

к 50-летнему возрасту успевали по 4–5 раз сменить свое место жительства. Схожее положение наблюдалось и в Анапе. Здесь была распространена добровольная внешняя и внутренняя миграция. Первая включала прибытие населения из других губерний и областей Российской империи. Вторая осуществлялась населением, приписанным к Анапе¹, которое временно выезжало на заработки в соседнюю землю Черноморского казачьего войска или Кавказскую область.

Внешнюю миграцию осуществляли неорганизованные и организованные группы. Ее начало пришлось на вторую половину 1828 г., когда русские войска взяли Анапу и оставили здесь гарнизон. Первым гражданским населением, помимо чиновников, стали прибывавшие сюда торговцы. Вслед за ними потянулись члены религиозных сект, беглые помещичьи крестьяне, рекруты, вольноотпущенники и лица, не имевшие письменных видов на жительство (Федина, 2022, с. 34). В первое время местное правление приписывало всех мигрировавших в Анапу:

«Временное Правление приписывало к Закубанскому поселению всех прибывающих сюда для причисления людей как бесписьменовидных, так и имеющих письменные виды, не входя в разыскание о таковых документах, – все они при зачислении называли себя происходящими из свободных состояний, но впоследствии по разным случаям открыто, что многие из них суть беглые помещичьи люди» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 54об).

Поголовная приписка прибывавших в Анапу людей к закубанским жителям продолжалась до конца 1835 г. Многочисленные жалобы помещиков на сбежавших сюда крестьян, исчерпание возможностей для размещения населения, требования губернских властей остановить побег за Кубань привели к прекращению этой практики:

«Анапское Правление в 1836 и 1837 годах по особым предписаниям Главноуправляющего барона Розена давало распоряжение о высылке в Кавказское Областное Правление незачисленных в Закубанское поселение как сознавших себя за помещичьих крестьян и прочих бесписьменовидных» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 17об).

Организованная внешняя миграция в Анапу была задумана еще в конце 1829 г. Ее должен был осуществить Главноуправляющий гражданской частью в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский. Ему предстояло переселить в Анапу семьи малороссийских казаков. Такой выбор был обусловлен их малоземельем, развитыми земледельческими навыками и привычностью к военным опасностям. Для их приема, размещения и обустройства на новом месте был создан Анапский строительный комитет, состоявший из коменданта, военных и гражданских чинов (ГАКК, Ф. 783, оп. 1, д. 3, л. 1). Первоначально предполагалось переселить сюда до 800 казачьих семей, но только на добровольной основе. Переселение должно было начаться весной 1831 г.:

1 В 1830-е гг. поселение в документах именовалось Анапским, а в 1840–1850-е гг. – уже Закубанским.

«...Перевод казаков от мест их жилищ к крепости Анапе... должен быть произведен сухим путем как удобнейший для казаков и менее стоящий для казны. Время выступления их назначить не иначе, как по весне в хорошую погоду, чтобы они успели в Анапу для обрабатывания земли к озимому посеву» (ГАКК, Ф. 783, оп. 1, д. 3, л. 4).

Затягивание с подготовкой и сбором вынудило начальство сдвинуть переселение на лето 1832 г. К этому времени малороссийские казаки с семьями собрались в Полтавской губернии в Кременчуге (ГАКК, Ф. 783, оп. 1, д. 8, л. 61). Из-за неготовности домов в крепости Анапе переселенцы были вынуждены временно разместиться в Фанагорийском округе земли Черноморского казачьего войска. Здесь по согласованию с местными властями для них были выделены места в куренных селениях. Для нужд переселенцев предоставили сенокосы и пастбища. Осенью первые 44 семьи малороссийских казаков были переведены на жительство в Анапу (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 9).

В последующие годы в Анапу и Закубанское поселение мигрировали государственные крестьяне Таврической, Харьковской и Саратовской губерний. После 1842 г. приписка государственных крестьян была приостановлена из-за откладывания «на неопределенное время» распространения Закубанского поселения, но зачисление мещан и купцов продолжалось вплоть до оставления Анапы во время Крымской войны.

Внутренняя миграция в Анапском поселении носила вынужденный характер. Скопление значительного числа переселенцев в крепости Анапе в период 1828–1833 гг. представляло опасность как для самих жителей, так и властей. Отсутствие постоянных заработков, дороговизна продуктов, неразвитость местной торговли, неустроенность ранее водворенных и вновь приписываемых переселенцев создавали условия для местного социального взрыва. Опасаясь возможных последствий такого положения, Анапское правление со второй половины 1833 г. решилось выдавать временные документы всем отправлявшимся на заработки переселенцам:

«Страшась истинного голода, нищеты многих семей, решилось наконец само, согласно желанию людей, отпускать по временным билетам Правление на заработки в соседственную Черноморию» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 11).

В это время в земле Черноморского казачьего войска была достаточно высокой потребность в рабочих руках. Поэтому все жители, временно прибывавшие сюда из крепости Анапы, находили источники для заработков. Черноморцы стремились извлечь для себя максимальную выгоду, пользуясь неопределенным положением таких лиц (Бурыкина, 2005, с. 21). Они сдавали переселенцам жилье, земельные угодья, пашни и места для выпаса скота.

«Чтобы собрать 1 десятину земли, платят черноморцам по 10 руб. ассигнациями, за постой – по 3 руб. в месяц от хаты, сена дозволяется им косить только с 6-й копны» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 7, л. 38об).

Обратная миграция в крепость Анапу началась после строительства и начала заселения первых двух станиц в 1836 г., составивших основу Анапского поселения. Небольшая площадь населенных пунктов и недостаток земельных угодий не позволили полностью водворить всех переселенцев, приписанных к поселению. Приток населения и медленное освоение окрестностей Анапы помешали решить эту проблему до начала Крымской войны. По состоянию на апрель 1853 г. 257 семей, состоявшие из 787 мужчин и 401 женщины, были вынуждены проживать на земле Черноморского казачьего войска в ожидании своей очереди на поселение (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 164, л. 2). Сложившееся положение стимулировало постоянную внутреннюю миграцию на фронтирные земли северо-восточного берега Черного моря.

Преобразование дикой местности

Дикая местность является важнейшим концептом фронта Ф. Тёрнера. Она выступает как конкретная неосвоенная территория, выбранная переселенцами для обретения оседлости; пограничная зона между дикостью и цивилизацией; земля, на которой размещались редко разбросанные поселения; особый участок природы, затруднявший колонистам ведение традиционной хозяйственной деятельности.

«Севернее, в Мичигане, Висконсине и Миннесоте, находилась мрачная дикая местность, покрытая лесами белой сосны, перемежающимися темнохвойными лесами, которые захватили обширную зону по берегам Великих озер, пока лиственные породы не отвоевали ее обратно и, в свою очередь, не исчезли постепенно в безлесных просторах прерий. В других частях провинции посреди лесных районов возникали открытые пространства, а затем — травянистый океан прерий, который разлился на запад и на северо-запад, пока не пересек линию выпадения достаточного количества осадков для ведения земледелия без ирригации и не перешел в засушливые зоны Великих равнин» (Тёрнер, 2009, с. 118).

В первые годы после начала заселения северо-восточного берега Черного моря переселенцы также столкнулись с необходимостью преобразования дикой местности (природы). Для ведения традиционной сельскохозяйственной деятельности им требовались большие земельные участки, освобожденные от лесных массивов, кустарников и степных целинных трав.

Лесные массивы произрастали в ущельях и долинах, вдоль горных цепей. Площадь леса простиралась от Анапы до Суджук-Кале и Геленджика. Здесь росли дуб, ясень, берест, сосна. Строевой лес также произрастал вдоль течения р. Кубани, ее протоков и р. Джиги. Лесные пространства и заросли не только мешали переселенцам заниматься земледелием, но и использовались горцами для скрытых нападений на них и солдат анапского гарнизона.

С 1828 г. военные команды Анапы приступили к расчистке окрестностей крепости от лесных массивов. Срубленные деревья использовались для ремонта и строительства новых казенных зданий, домов и торговых лавок.

Оставшаяся часть древесины обращалась в дрова для отопления помещений и хозяйственных нужд переселенцев. Постоянная и практически бесконтрольная рубка деревьев привела к обезлесению значительных территорий. Обозревавший в 1836 г. земли восточного берега Черного моря коллежский асессор С. В. Сафонов сообщал о вырубке анапского леса на расстоянии 15 верст для защиты от нападений горцев. Вся освобожденная от леса и пригодная для обработки земля была поделена между переселенцами, позволив им завести полноценные огороды (Сафонов, 1837, с. 6). Вырубка леса военными командами велась также в окрестностях Новороссийска и Геленджика. К 1838 г. спрос на строевой лес и дрова в крепости Анапе удовлетворялся за счет его привоза из Ростова и обмена с горцами:

«Горцы долго не соглашались привозить эти необходимые материалы для построек в Анапе, и только с 1838 года стали выменивать на меновом дворе дрова и разный дельный лес, но который по длине и ширине далеко не соответствовал лесу, привозимому из Ростова морским путем» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 5об).

После основания первых станиц в 1836 г. в составе Анапского поселения спрос на строевой лес значительно вырос. Его использовали для возведения домов переселенцев, въездных ворот, башен, казенных зданий, молитвенных домов. Потребность в лесе была достаточно высока. Для строительства домов только в одной станице Зеленой было вырублено до 2000 деревьев (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, 1881, с. 856).

Возраставшие одновременно с увеличением числа населенных пунктов и их жителей объемы потребления древесины не только приводили к расширению пригодных для земледелия участков, но и создавали трудности для дальнейшего распространения Закубанского поселения. В начале 1840-х гг. начальник Черноморской береговой линии генерал-майор А. И. Будберг писал:

«По берегу Кубани растет верба, высокая и толстая... по совершенному безлесью сего края эта верба составляет единственный строительный материал для Закубанского поселения» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 29, л. 17об).

Дальнейшее освоение «дикой» местности привело к увеличению вырубки леса по протокам р. Кубань и вдоль ее левого берега. Но и этот источник постепенно иссякал, что видно из отчета Анапского временного правления за 1843 г.:

«Нужный строевой лес для всех этих строений, а равно для разных общественных зданий из 160 домов поселянских по малому остатку в Кубанских протоках годного леса и лозы заготавливался поселянами преимущественно близ Варениковской пристани и даже в водах по Кубани, откуда на плотках посредством реки Джиги был доставлен в Суворовскую станицу» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 38об).

Одновременно с уничтожением лесных массивов происходила распашка целинных земель. Первоначально она осуществлялась вблизи крепости Анапы для наделения земельными участками переселенцев. С появлением первых

станци потребность в освоении целинных земель резко возросла. Водворявшиеся жители наделялись огородами, пастбищами, пахотными участками, сенокосами, конопляниками. Для удовлетворения всех необходимых нужд жителей в 1837 г. в станице Благовещенской приступили к освоению степи, располагавшейся между Кизилташским и Кубанским лиманами. Ее площадь составляла 750 десятин, которые были размежеваны распоряжением Анапского правления для водворенных 30 семей (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 22об).

Преобразование дикой местности на территории северо-восточного берега Черного моря начиналось ранней весной вместе со строительством будущей станицы или поселка. Для защиты населенного пункта выкапывался ров, который тянулся вдоль всей его границы. Выкопанная земля использовалась для возведения вала. Обезопасив себя от внезапных нападений горцев, поселяне приступали к расчистке и распашке земельного участка. После начался посев яровой пшеницы, которая на целинных землях давала в течение нескольких лет высокие урожаи. В начале лета селяне во время покоса заготавливали достаточные запасы сена, которые складировались в специальном сенном окопе для избегания пожаров. Осенью они готовили землю для озимых и весеннего сева.

«С окончанием осени нововодворяемый поселянин уже обеспечен в своем положении на следующий год; в особенности, если прямой надзор за всеми его работами с надлежащей заботливостью о средствах приспособлен без траты самого драгоценного для земледелия времени» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 8, л. 13).

С началом заселения крепости Анапы и ее округи постоянно уменьшалось пространство дикой местности. Значительная ее часть активно осваивалась переселенцами для возведения населенных пунктов и приобретения различных земельных участков. В результате происходило замещение целинных земель окультуренными, разнотравье заменялось пшеничными полями и огородными культурами, в степи появлялись искусственные станичные возвышения в виде валов, сокращались вырубавшиеся площади поросли, кустарников и лесов. Значительная часть земель отводилась под строительство почтовых станций и дорог.

Выдвижение «языков» населенных районов

Изучая карты переписей населения, Ф. Тёрнер обратил внимание на неравномерность продвижения фермерского фронта. Она заключалась в том, что часть поселений выдвигалась, а между ними «оставались пространства дикой местности». Такой способ освоения фронта исследователь называл «языками» населенных районов. Их образование было вызвано несколькими причинами. Во-первых, сопротивление со стороны коренных жителей не позволяло равномерно заселять фронт. Во-вторых, часто сама местность, состоявшая из речных долин и перевалов, препятствовала равномерному заселению территории и способствовала естественному отдалению

поселений друг от друга. В-третьих, сказывалась «неоднородная сила притяжения различных центров приграничья». Сам исследователь полагал, что такими центрами выступали «плодородные и благоприятно расположенные земли, источники соленой воды, рудники и военные форты» (Тёрнер, 2009, с. 24).

Заселение северо-восточного берега Черного моря в рассматриваемый период позволяет согласиться с утверждением Ф. Тёрнера о выдвигании на фронтире «языков» населенных районов. Можно выделить два таких «языка», вокруг которых концентрировались населенные пункты. Они могут быть условно обозначены как Кизилташский и Анапский.

Кизилташский «язык» поселений был расположен по берегам одноименного лимана. В период 1828–1843 гг. здесь были основаны станицы Благовещенская, Витязева и Суворовская, поселки Благовещенская стрелка, Счастливый остров, безымянный поселок при станице Благовещенской и Джеметейское укрепление. Последнее использовалось для водворения семей переселенцев практически до начала Крымской войны. По состоянию на май 1853 г. в укреплении, не считая гарнизона, проживали две семьи, состоявшие из 7 лиц мужского и 5 женского пола (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 164, л. 2).

Центром притяжения для населения Кизилташского «языка» был лиман. Его высокие берега позволяли использовать природные особенности ландшафта при возведении в станицах различных фортификаций. Это облегчало труд переселенцев при водворении и позволяло в более короткие сроки приступить к самому заселению. Кизилташский лиман существенно расширял продовольственные возможности переселенцев. Он был богат различными сортами рыбы, а по его берегам гнездились множество птиц. В акватории лимана встречались ценные для населения источники соли.

Все населенные пункты Кизилташского «языка» были связаны друг с другом морскими и сухопутными коммуникациями. Первые сокращали время доставки припасов, почты, необходимых товаров и были практически безопасны от нападений горцев. Вторые были более сложными и длительными. Через Кизилташский лиман осуществлялось сообщение с землей Черноморского казачьего войска, куда переселенцы отправлялись на заработки.

Анапский «язык» поселений был расположен в окрестностях одноименной крепости. В период 1836–1847 гг. здесь были основаны станицы Николаевская (первоначально – Зеленая) и Александровская, поселок Алексеевский. Сама крепость Анапа многие годы служила местом водворения для сотен семей переселенцев. Только с расширением Анапского (Закубанского) поселения Анапа постепенно утратила свой статус первичного размещения переселенцев и их снабжения всем необходимым.

Центрами притяжения для населения Анапского «языка» были торговая деятельность и промыслы. Рынки Анапы привлекали торговцев из других

городов Российской империи, иностранных поданных и горцев. Постепенно сюда стали поступать товары и от водворившихся переселенцев:

«В начале они по бедности своих средств должны были довольствоваться только самыми незначительными торговыми оборотами, которые состояли в покупке по Черномории и Кавказской области и в перепродаже здесь разных съестных припасов, мелких коробочных товаров и бакалеи» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 51об).

Они также поставляли на местный рынок огородную зелень, овощи, фрукты, бахчу, зерно. Спрос на эти товары практически всегда существовал со стороны местного гарнизона, ожидавших своего водворения переселенцев и местных торговцев.

Кроме торговли, население Анапского «языка» активно занималось промыслами. Одним из наиболее развитых было участие в строительной деятельности на территории Анапы и за ее пределами:

«По случаю устройства на Черноморской Береговой линии вдруг нескольких новых укреплений, в том числе Новороссийска, где требовалось значительное число рабочих для казенных и частных построек, мастеровые закубанцы в числе 500 душ заняты были в тех укреплениях почти постоянными работами с весьма выгодною платою от казны и частных лиц» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 52об).

Населенные пункты Анапского «языка» испытывали постоянное давление и военную опасность со стороны горцев. Это предопределило основание здесь небольшого числа поселений, которые охранялись станичными гарнизонами и всегда могли рассчитывать на помощь со стороны анапского гарнизона. Соседство с немирными горцами не позволило этому «языку» осуществить масштабное освоение фронта.

Использование государственных земель

Американский исследователь фронта Ф. Тёрнер отмечал важность использования государственных земель для развития пограничья. Для этого были разработаны различные инструменты. Одним из них была безвозмездная передача государственных земель компаниям, осуществлявшим железнодорожное строительство для перевозки «все возраставших потоков иммигрантов, стремившихся на Дальний Запад» (Тёрнер, 2009, с. 18). Другим инструментом стала продажа дешевых государственных земель бедным переселенцам. Наконец, государственная земля выделялась федеральным правительством в поддержку начальных школ и университетов штатов, расположенных на фронтире (Тёрнер, 2009, с. 58). С исчерпанием свободных государственных земель Ф. Тёрнер связывал окончание эпохи американского пионера (Тёрнер, 2009, с. 209).

Заселение северо-восточного берега Черного моря также демонстрирует важность государственных земель для развития фронта. В отличие от американских штатов, железные дороги появились здесь только во второй

половине XIX в. и способствовали экономическому развитию городов черноморского побережья. В рассматриваемый же период большое значение имело именно наличие свободных земель, которыми государство безвозмездно надеялось анапских и закубанских поселенцев.

Специфика северо-восточного берега Черного моря заключалась в том, что владельцами земли являлись горцы, которые не приняли подданство Российской империи и не стремились делиться ею. Поэтому земельный фонд Анапского (Закубанского поселения) формировался благодаря следующим источникам.

Во-первых, происходило занятие пустующих целинных земель в окрестностях Кизилташского лимана. Командование Черноморской береговой линии также предлагало занять часть земель Кубанской равнины на севере от Гастогая. В 1843 г. начальник 1-го отделения линии контр-адмирал Л. М. Серебряков утверждал, что лично убедился в незанятости горцами огромных полос целины на Кубанской равнине даже под сенокосы или пастбища во время своего осмотра Варениковской пристани, поэтому он считал, что «натухайцы донныне в землях не нуждаются и надолго еще не будут чувствовать в них недостатка» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 20, л. 3). Этот проект так и не был реализован до 1860-х гг., когда на земли бывшего Закубанского поселения стали переселять представителей Азовского казачьего войска.

Во-вторых, земельный фонд увеличивался благодаря расчистке от кустарников, поросли и леса речных долин и степных участков, которые ранее не были никем обрабатываемы. Этот процесс был достаточно трудоемким и не давал быстрого прироста свободной земли.

В-третьих, проводились переговоры с представителями горцев на предмет занятия поселянами земель, примыкавших к станицам и поселкам и не использовавшихся ими в сельскохозяйственной деятельности.

«Соседние с закубанскими пашнями натухайские участки по необходимости поступали в обладание поселян, и хотя горцы в частых переговорах с здешними комендантами, Начальником 1-го отделения Черноморской Береговой линии и самими начальниками этой же линии и неоднократно объявляли претензии свои на такое завладение их землей, но всегда были убеждаемы как необходимостью нашей, так равно и тем, что они, владея необъятными пространствами свободных земель, простирающихся по течению Кубани, и другими обширными лугами по покатоги невысоких гор, и долинами, напрасно жалуются на стеснение в земле» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 58).

Достававшаяся с таким трудом свободная земля не поступала в полную собственность переселенцев. Она распределялась Анапским временным правлением¹ и станичным начальством между семьями жителей. Часть земли определялась в общественное пользование и предназначалась для засева и сбора зерновых культур в общественные магазины.

1 С 1847 г. стало именоваться Анапским правлением закубанских поселян (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 53, л. 74).

«При таком первоначальном хлебопашестве наших первых закубанских станиц не упущено было из виду назначать кроме частных еще общественные участки для засева общественного зерна, с которых сбор и урожай хлеба малопомалу дал Правлению средства к заведению впоследствии общественных магазинов в этих станицах» (РГВИА, Ф. 788, оп. 1, д. 55, л. 23).

Специальные участки земли выделялись для нужд военных гарнизонов в станицах, которые использовали их, выращивая огородные культуры и заготавливая сено для рабочего скота и конных частей. Сами поселяне владели «плаными местами» для строительства домов и хозяйственных построек, пользовались пахотными землями, сенокосами, пастбищами и огородами. При избытке земли им также давались участки для занятия бахчеводством. Однако переселенцы на северо-восточном берегу Черного моря не являлись полными собственниками земли. Они не заключали сделки купли-продажи и пользовались ею только с разрешения Анапского правления закубанских поселян и местного станичного начальства.

Недостаток свободной земли, находившейся в распоряжении Закубанского поселения, стал одной из важнейших причин прекращения причисления переселенцев и дальнейшего расширения территории поселения за счет основания новых станиц и поселков. Он не позволил завершить процесс водворения находившихся на очереди и временно проживавших вне Закубанского поселения переселенцев, способствуя развитию возвратной миграции части поселян в Анапу, где они причислялись в мещане и купцы различных гильдий.

Выводы

После успешного завершения Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Российская империя официально закрепила за собой северо-восточный берег Черного моря. Нежелание горцев добровольно принимать подданство и неспособность российского начальства к достижению взаимовыгодной договоренности привели к появлению фронтирной (пограничной) территории, которая де-юре была частью империи, а де-факто требовала планомерной интеграции в состав государства.

Специфика заселения и освоения фронта была представлена в концепции Ф. Тёрнера по отношению к американским землям. Исследование особенностей заселения и освоения северо-восточного берега Черного моря как одного из исторических районов современного Краснодарского края через призму концепции фронта позволило выявить особенности исторического процесса. Сопоставление американского и российского опыта освоения и заселения пограничных земель выявило схожие и различные сценарии. Полученные результаты свидетельствуют о возможности применять фронтирный подход для дальнейшего изучения специфики включения новоприобретенных земель в состав Российского государства.

Однако проведенное нами изучение заселения северо-восточного берега Черного моря в 1830–1850-е гг. позволяет утверждать, что неприятие некоторыми отечественными (представители кавказоведческой школы В. Б. Виноградова, которые видели в ней «потенциал перманентной враждебности между участниками исторического диалога в регионе») и зарубежными (Томас Барретт, писавший, что «теперь наконец отвергнут тернеровский тип пограничной истории вместе с его белыми поселенцами, двигавшимися на запад к “свободным” землям и вдохновенно создававшими на ходу американский индивидуализм и демократию») исследователями концепции фронта Ф. Тёрнера является несколько поспешным и не позволяет использовать в научном плане заложенный в ней потенциал. Отказавшись от наиболее одиозных идей Ф. Тёрнера – о дикости коренного населения (как на Американском континенте, так и в других местах), непременном развитии индивидуализма и демократии, можно плодотворно использовать другие положения концепции фронта для объяснения особенностей переселений, происходивших в разных частях Российской империи, и их последствий (экономических, этнических, экологических, социальных и пр.).

В нашем исследовании такими положениями концепции фронта Ф. Тёрнера стали постоянная миграция населения, позволившая выделить и объяснить внешнюю и внутреннюю миграцию; преобразование дикой местности, давшее возможность увидеть губительные последствия для окружающей природы, вызванные переселением на северо-восточный берег Черного моря значительного числа населения; выдвигание «языков» населенных районов, сделавшее возможным объяснить логику размещения населения и строительства новых станиц и поселков в Закубанском поселении; использование государственных земель, позволившее выявить недостатки в использовании земельных ресурсов, точнее, их постоянный дефицит, который не был учтен высоким начальством при планировании освоения северо-восточного берега Черного моря и стал одной из причин неудачи переселенческой политики в регионе в 1830–1850-е гг.

Финансирование

Статья написана в рамках проекта РНФ № 24-18-20096 «Исторические закономерности развития городов, станиц и сел Краснодарского края в конце XVIII – начале XXI вв.».

Список литературы

- Агеев, А. Д. (2005). *Сибирь и американский Запад: Движение фронтиров*. Аспект пресс.
- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией: Т. 8. Архив Главного управления наместника кавказского. (1881). б. и.

- Андреева, А. А. (2016). «Калмыцкий фронт»: К типологии фронтальной теории. *Вестник Калмыцкого университета*, 4, 130–135.
- Баева, Л. В. (2014). Типология и проблемы изучения южно-российского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. «Философия»*, 2, 32–38.
- Барретт, Т. М. (2000). Линии неопределенности: Северокавказский фронт России. В *Американская русистика. Вехи историографии последних лет: Антология* (Т. 2, сс. 163–194). Самарский университет.
- Басалаева, И. П., Дубман, Э. Л., Мизис, Ю. А., Мильчев, В. И., Сень, Д. В., Урушадзе, А. Т., & Ходарковский, М. (2020). Как сегодня изучать границы? Дискуссия по статье Д.В. Сень. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105>
- Бурькина, Л. В. (2005). Крестьянская миграция на Северо-Западный Кавказ в 20-е – 50-е гг. XIX в. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*, 4, 20–22.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.-а). Ф. 783. Оп. 1. Д. 3.
- Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). (б. д.-б). Ф. 783. Оп. 1. Д. 8.
- Дударев, С. Л. (2021). Еще раз о северокавказском фронте. *Вестник Армавирского государственного педагогического университета*, 3, 44–55.
- Замятина, Н. Ю. (1998). Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*, 5, 75–89.
- Кудаева, С. Г. (2017). *Актуальные вопросы истории и культуры адыгов*. Магарин О. Г.
- Матвеев, О. В. (2015). *Кавказская война: От фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки*. Эдвн.
- Мизис, Ю. А., Скобелкин, О. В., & Папков, А. И. (2015). Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 10, 7–15. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15>
- Новицкий, В. (1853). *Анапа и Закубанские поселения (с картой)*. Тифлис.
- ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 21. Ст. 20707. (1846). Типография 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.
- Резун, Д. Я., & Шиловский, М. В. (2005). *Сибирь, конец XVI – начало XX в.: Фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов*. Сова.
- Романова, А. П., & Топчиев, М. С. (2014). Кавказ как вечный фронт. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 284–291.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-а). Ф. 788. Оп. 1. Д. 7.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-б). Ф. 788. Оп. 1. Д. 8.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-с). Ф. 788. Оп. 1. Д. 20.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-д). Ф. 788. Оп. 1. Д. 29.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-е). Ф. 788. Оп. 1. Д. 53.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-ф). Ф. 788. Оп. 1. Д. 55.
- Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). (б. д.-г). Ф. 788. Оп. 1. Д. 164.

- Сафонов, С. (1837). *Поездка к восточным берегам Черного моря на корвете Ифигения в 1836 году*. Гор. Типография.
- Султанбеков, Р. М. (2017). Кавказский фронт XVI – начало XIX в.: К типологии исследования. *Современная наука и инновации*, 3, 273–277.
- Тёрнер, Ф. (2009). *Фронт в американской истории*. Весь мир.
- Федина, И. М. (2022). *Поселенческое миромоделирование Восточного Причерноморья: Российский опыт региональной политики XIX столетия*. Кубанский государственный университет.
- Хотко, С. Х. (2019). Степной фронт в черкесской истории: К постановке проблемы. *Электронный журнал «Кавказология»*, 4, 49–62. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-49-62>
- Хромых, А. С. (2008). Проблема «Сибирского фронта» в современной российской историографии. *Вестник Челябинского государственного университета*, 5, 106–112.
- Цвижба, Л. И. (2001). *Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке*. Алашара.
- Шеуджен, Э. А. (2006). К вопросу о северокавказском фронте. *Научная мысль Кавказа*, 3, 76–83.
- Якушенков, С. Н., & Якушенкова, О. С. (2010). Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1, 109–114.

References

- Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission: Vol. 8. Archive of the Main Department of the Viceroy of the Caucasus*. (1881). n. p. (In Russian).
- Ageev, A. D. (2005). *Siberia and the American West: The Movement of Frontiers*. Aspect press. (In Russian).
- Andreeva, A. A. (2016). “Kalmyk Frontier”: Typology of the Frontier Theory. *Bulletin of Kalmyk University*, 4, 130–135. (In Russian).
- Baeva, L. V. (2014). The Typology and Problems of Studying the Southern Russian Frontier. *The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*, 2, 32–38. (In Russian).
- Barrett, T. M. (2000). Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasus Frontier. In *American Russian Studies. Milestones of Historiography of Recent Years: An Anthology* (Vol. 2, pp. 163–194). Publishing House of Samara University. (In Russian).
- Basalaeva, I. P., Dubman, E. L., Mizis, Yu. A., Milchev, V. I., Sen, D. V., Urushadze, A. T., & Khodarkovskiy, M. (2020). How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen'. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. <https://doi.org/10.21638/spbu19.2020.105> (In Russian).
- Burykina, L. V. (2005). Peasant migration to the North-West Caucasus in the 20s–50s of the 19th century. *Vestnik Adigeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya”*, 4, 20–22. (In Russian).
- Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2. Vol. 21. Art. 20707. (1846). Typography of the 2nd Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. (In Russian).
- Dudarev, S. L. (2021). Once Again on the North Caucasus Frontier. *Bulletin of Armavir State Pedagogical University*, 3, 44–55. (In Russian).

- Fedina, I. M. (2022). *Settlement world modeling of the Eastern Black Sea region: Russian experience of regional policy of the 19th century*. Kuban State University. (In Russian).
- Khotko, S. Kh. (2019). The Steppe Frontier in the Circassian History: to Statement of the Problem. *Elektronniy zhurnal "Kavkazologiya"*, 4, 49–62. <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2019-4-49-62> (In Russian).
- Khromykh, A. S. (2008). The problem of "Siberian frontier" in modern Russian historiography. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 5, 106–112. (In Russian).
- Kudaeva, S. G. (2017). *Actual issues of the history and culture of the Adygs*. Magarin O. G. (In Russian).
- Matveev, O. V. (2015). *The Caucasian War: From front to front. Historical and anthropological essays*. Edvi. (In Russian).
- Mizis, Yu. A., Skobelkin, O. V., & Papkov, A. I. (2015). The Theory of the Frontier and the South of Russia in XVI – the First Half of the XVIII Century. *Tambov University Review: Series Humanities*, 10, 7–15. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2015-20-10-7-15> (In Russian).
- Novitsky, V. (1853). *Anapa and Zakuban settlements (with maps)*. Tiflis. (In Russian).
- Rezun, D. Y., & Shilovsky, M. V. (2005). *Siberia, late 16th - early 20th century: Frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes*. Sova. (In Russian).
- Romanova, A. P., & Topchiev, M. S. (2014). The Caucasus as an eternal frontier. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 3, 284–291. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-a). F. 788. In. 1. C. 7. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-b). F. 788. In. 1. C. 8. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-c). F. 788. In. 1. C. 20. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-d). F. 788. In. 1. C. 29. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-e). F. 788. In. 1. C. 53. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-f). F. 788. In. 1. C. 55. (In Russian).
- Russian State Military History Archive (RSMHA). (n. d.-g). F. 788. In. 1. C. 164. (In Russian).
- Safonov, S. (1837). *A trip to the eastern shores of the Black Sea on the corvette Iphigenia in 1836*. Gor. Typography. (In Russian).
- Sheujen, E. A. (2006). Toward a question of the North Caucasian frontier. *Nauchnaya misl Kavkaza*, 3, 76–83. (In Russian).
- State Archive of the Krasnodar Region (SAKR). (n. d.-a). F. 783. In. 1. C. 3. (In Russian).
- State Archive of the Krasnodar Region (SAKR). (n. d.-b). F. 783. In. 1. C. 8. (In Russian).
- Sultanbekov, R. M. (2017). The Caucasian Frontier of the XVI – beginning of XIX Century: Towards a Typology of Research. *Modern Science and Innovations*, 3, 273–277. (In Russian).
- Tsvizhba, L. I. (2001). *Ethno-demographic processes in Abkhazia in the 19th century*. Alashara. (In Russian).
- Turner, F. (2009). *The frontier in American history*. Ves Mir. (In Russian).
- Yakushenkov, S. N., & Yakushenkova, O. S. (2010). American frontier and Russian analogies in the Volga region and the Lower Volga. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1, 109–114. (In Russian).
- Zamyatina, N. Yu. (1998). Settlement Zone (Frontier) and Its Image in American and Russian Cultures. *Social Sciences and Contemporary World*, 5, 75–89. (In Russian).